

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 7 **БЛАГОДАРНОСТИ**
- 9 **ПРЕДИСЛОВИЕ**
- 13 **ГЛАВА I: ОТ СОЛОВЕЦКОГО ОСТРОВА
ДО АРХИПЕЛАГА ВСЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ**
- 39 **ГЛАВА II:
ПО БЕЛОМОРКАНАЛУ К ГУЛАГУ**
- 69 **ГЛАВА III: ОТКРЫТИЕ СЕВЕРА**
- 147 **ГЛАВА IV: БОЛЬШОЙ ТЕРРОР**
- 188 **ГЛАВА V: ВОРКУТА, РОЖДЕННАЯ ВОЙНОЙ**
- 239 **ГЛАВА VI: ГЕОГРАФИЯ ГУЛАГА:
ОТ КАРАГАНДЫ ДО САМОЙ КОЛЫМЫ**
- 310 **ГЛАВА VII: СЕРДЦЕ СИБИРИ**
- 374 **ГЛАВА VIII: КОНЕЦ ГУЛАГА
И НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛАГЕРЕЙ**
- 438 **ГЛАВА IX: ВСПОМИНАЯ ГУЛАГ**
- 463 **ПОСЛЕСЛОВИЕ**
- 470 **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**
- 478 **ОБ АВТОРАХ**

БЛАГОДАРНОСТИ

Книги, которую вы держите в руках, могло и не быть, если бы не бескорыстная помощь, оказанная нам в наших поисках. Мы стали частью необычайно важной сети контактов внутри России, поэтому все происходило как будто само собой: дорога ведет от одного человека к другому, от него — к третьему и так далее: она ведет от Питера до Магадана, везде, а без этого — никак. Общеизвестное русское гостеприимство немало способствовало рождению данной книги. Нам помогали, перед нами распахивали двери и сердца, ставили угощенья, поили чаем в кабинетах, нарезали сало и наливали самогонку у костра.

Особые слова благодарности хочется адресовать Елизавете Верещагиной, сопровождавшей нас в Москве и во время путешествия в Республику Коми. Хотим поблагодарить также организацию «Мемориал»¹: собранные ею материалы стали ориентиром в поисках мест заключения ГУЛАГа в разных частях России. Неоценимую помощь оказали нам и представители общественности, в частности историк-исследователь Мария Шилова. Во многих деревнях и городах по пути исследования местные жители делились с нами всеми своими знаниями, соглашались под-

1. Организация, признанная в РФ иноагентом. (Здесь и далее — прим. ред.)

везти нас от одного лагеря к другому и от памятного знака к другому памятному знаку. Благодарим Михаила Рогачева из Сыктывкара, Ирину Витман и Анну Васильевну Крикун из Воркуты, Сергея Красильникова и Геннадия Чичурина из Новосибирска, а также колымчан Сергея Райзмана и Андрея Комиссарова. Низкий поклон московскому музею ГУЛАГа, всем руководителям и экскурсоводам провинциальных музеев, поведавших нам лагерную историю своего региона. Невозможно, да и не имеет смысла перечислять здесь имена всех — их помощь сложно переоценить. Из тех людей, что повстречали мы на пути, некоторые постоянно сталкиваются с проблемами в связи с непрекращающимся интересом к истории лагерей. Одного из них даже задержали вскоре после нашего визита. Выходом этой книги мы не хотели бы причинить ему дополнительные сложности. Остается только с грустью констатировать, что подобная практика становится все более распространенной в России XXI века. С другой стороны, это является лишним свидетельством того, что книги, подобные этой, не утрачивают своей актуальности в контексте дискуссии об истории и сегодняшнем моменте.

Пользуясь случаем, хочется поблагодарить Национальный центр содействия развитию литературы Финляндии, фонд Йенни и Антти Вихури и Центр содействия развитию искусства за финансовую поддержку при написании данной книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно ли что-либо еще написать о ГУЛАГе, когда на сегодня в мире — Финляндия здесь не исключение — опубликовано немало научной и художественной литературы, множество серьезных исследований, мемуаров, посвященных истории Большого террора в СССР и практиковавшейся в стране системы принудительного труда заключенных? Задавшись этим вопросом, мы отправились «по следам ГУЛАГа». В ходе поездок по огромной территории, где некогда располагались советские лагеря, мы параллельно изучали доступные нам письменные источники — в результате личный опыт и открывшиеся материалы как бы сами собой организовались в достаточно стройную систему.

Данная книга представляет собой путевые заметки. Это путешествие сквозь исчезнувшее время, через целую эпоху. Это попытка осознать историю советского террора и системы исправительно-трудовых лагерей СССР в ее наиболее значимых моментах.

Особое внимание привлекают конкретные знаки, следы, оставшиеся от лагерей и их инфраструктуры, — в целом они плохо известны в Финляндии еще и потому, что попыток представить историю лагерной системы через их призму

ранее не предпринималось. Тем не менее в разных частях России и на территории бывших республик СССР сохранилось огромное количество следов деятельности «архипелага ГУЛАГ». Это оставшиеся на теле шрамы, способные повредить нечто, чего иначе передать не было бы возможности.

В то же время нас интересуют различные интерпретации самого факта существования лагерей вчера и сегодня, и в основном волнует вопрос, как воспринимается ГУЛАГ в современной России и за ее пределами. Первоначально по мере написания книги нам время от времени казалось, что тема ГУЛАГа в некотором роде замалчивается в России, а на Западе о ней практически ничего не известно. Тем не менее по мере расширения географии наших поездок и погружения в архивные и иные источники к нам пришло осознание того, что о ГУЛАГе помнят, о нем знают и что тема ничуть не является закрытой ни в России, ни за ее пределами. Здесь следует сказать, что в особенности на рубеже 1980—1990-х годов проблема использования каторжного труда активно обсуждалась в СССР и позже в России. Сегодня память о лагерях чтится. Открыты выставки и целые музеи, по всей стране воздвигнуты тысячи памятных знаков, издается посвященная ГУЛАГу литература, которая пользуется популярностью. В 2005 году опубликован семитомный сборник документов «История сталинского ГУЛАГа», ставший очередным важным свидетельством памяти вопреки забвению.

Пожалуй, основным вопросом является не то, сохранилась ли память о лагерях, а то, в какой форме она сохранилась.

В условиях сегодняшней непростой политической ситуации в России можно найти все больше защитников ГУЛАГа. Вопреки подобному мнению многие негосударственные организации (в первую очередь — «Мемориал») и особенно православная церковь поддерживают в обществе мысль о

необходимости сохранения памяти о жертвах сталинских лагерей и об эпохе притеснения вообще. Роль государства не столь однозначна: хотя в современной России обсуждение данной темы не завершено, сильно колеблется градус открытости и интереса к поиску исторической правды.

Примечательно, что на Западе изучение ГУЛАГа протекает в сопоставлении с концентрационными лагерями нацистской Германии с той существенной разницей, что ГУЛАГу по каким-то причинам отказывается в роли «повивальной бабки» национального самосознания. Имеющиеся работы проецируют мнение, что лагеря являются неотъемлемой частью общественной жизни, ибо речь идет о России, а там человеческая жизнь не стоит и полушки; да и вообще якобы в России всегда происходит то, во что у нас в Европе сложно поверить. Очевидно, что такая позиция — если не расизм, то в некотором роде ориентализм.

В период расцвета ГУЛАГа лагеря покрывали пространство чуть ли не половины земного шара. Они располагались на территории десяти часовых поясов, и порой, чтобы добраться из одной удаленной точки в другую, требовались месяцы пути. К счастью, нам потребовалось меньше времени. Преодолев многие тысячи километров, нам удалось воочию увидеть десятки памятных знаков и захоронений, повстречаться с еще живыми свидетелями эпохи. Память хранится, но она, как нам показалось, вытеснена на обочину истории: большая часть мемориалов находится в удаленных местах страны, о них мало кто знает, а голос самих хранителей памяти слаб и неспособен разнестись во всеуслышание, стиснутый бетонными коробками домов.

Наиболее существенным фактом памяти об эпохе ГУЛАГа являются стихийно возведенные людьми мемориальные знаки, а также остатки лагерей, их материальное и духовное наследие. Противоречивый характер истории выявляется

наиболее ярко именно на руинах. Герои многих произведений современных русских авторов, так или иначе обращающихся к теме лагерей, испытывают навязчивое желание вернуться к местам заключения ГУЛАГа. Ужасное по своей природе ощущение становилось нам все понятнее по мере того, как мы сами объезжали эти исторические места.

Сегодня кажется, что дискуссия на тему ГУЛАГа прервана и слишком рано отодвинута в сторону, хотя очевидно, что она совершенно не исчерпана. Возникает эффект «слона в гостиной»: после пережитого все стремятся продолжать жить как ни в чем не бывало. Но надолго ли хватит сил закрывать глаза на происходившее?

В начале своего «Архипелага ГУЛАГ» Александр Солженицын приводит историю, отражавшую самую суть ГУЛАГа. Как-то ему с друзьями попала на глаза заметка в журнале. В ней рассказывалось, что на реке Колыме были обнаружены на вид свежие останки представителей ископаемой фауны, которые были тут же охотно съедены теми, кто вел раскопки. Разумеется, в статье не было сказано ни слова о нашедших, но Солженицыну все было понятно: то были представители неистребимого племени зэков. Оголодавшие, они были готовы съесть все, даже доисторического тритона.

Абсурдно и трагикомично, но в представленном эпизоде проявилась как в капле воды непостижимость ГУЛАГа. Теперь, «в будущем веке», как возвещает Солженицын в своем изречении, отобранном в качестве девиза к нашей книге, «архипелаг ГУЛАГ» сам по себе видится неправдоподобным ископаемым тритоном, останки которого встречаются повсеместно в разных частях бывшего Советского Союза. Часть из них еще не обнаружена.

Вилле Ропонен, Вилле-Юхани Сутинен
24.02.2019

ГЛАВА I

ОТ СОЛОВЕЦКОГО ОСТРОВА ДО АРХИПЕЛАГА ВСЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ДОЛГАЯ ТЕНЬ ОТСУТСТВУЮЩИХ КРЕСТОВ

Экскурсовод Государственного музея истории ГУЛАГа показывает нам пятисотрублевую купюру. В полутьме выставочного зала непросто сообразить, какое отношение к лагерям может иметь смятый дензнак. И только после того, как экскурсовод поворачивает купюру обратной стороной и показывает, что на ней напечатано, становится ясно, о чем речь. Выясняется, что там изображен хорошо известный в стране Соловецкий монастырь — за его куполами, вознесенными над суровой скалой, виднеется беспокойное Белое море.

История купюры необычна. После распада Советского Союза прошла денежная реформа. Художник, которому было поручено создать эскиз нового денежного знака, скопировал изображение главного собора монастыря со старой фотографии, где он был изображен без креста. Собор простоял так в течение практически всего советского периода, но не только по причине антирелигиозной политики государства, но еще и потому, что Соловецкий остров и находящийся на нем монастырь стали частью архипелага ГУЛАГ. Получается, что изобразил художник не церковь,

а исправительно-трудовой лагерь. Ошибку заметили довольно быстро: на новых купюрах церковь обрела свой крест, а старые банкноты, без креста, сделались редкостью. Говорят, за такие купюры нумизматам сегодня приходится выкладывать приличные деньги.

Вроде бы ошибка, но какая! Она демонстрирует, насколько глубоко оставленные ГУЛАГом на теле России следы. Лагерная традиция преследует вас практически повсюду, то и дело выплескиваясь наружу. История о купюре также хорошо показывает степень обыденности восприятия лагерной жизни и по сей день.

Количество тюрем и лагерей начали постепенно сокращать сразу после смерти Сталина. Их ломали в 1960-е годы и окончательно свернули к началу 1990-х, и все-таки следы ГУЛАГа никуда не исчезли. Наоборот. Порой кажется, что на стенах домов, в окружающем ландшафте, в мышлении и деятельности сегодняшних россиян — везде присутствует след лагерной истории.

Несмотря на то что система исправительно-трудовых лагерей во многом представляла собой свою собственную, существующую отдельно от основного мира действительность, она была неотъемлемой частью советского общества. Сложно осмыслить Советский Союз без системы ГУЛАГа.

Вероятно, одной из причин того, почему лагеря настолько естественно переплелись с новой послереволюционной общественной формацией, является давняя история, уходящая своими корнями в царскую Россию с ее каторгами и ссылками. Да, трудовые лагеря Советского Союза были неповторимым явлением, ограниченным местом и временем, тем не менее возведение этой кровавой машины началось задолго до ее появления.

СТАРЫЕ НОВЫЕ ЛАГЕРЯ

Столетия назад слово «Сибирь» рисовало в воображении людей картину удаленного безлюдного места, где прозябают в одинаковой степени утратившие доверие государственные мужи, политически неблагонадежные лица и закоренелые преступники. Наиболее известен среди них, пожалуй, князь Александр Меншиков, изгнанный в Берёзов в начале XVIII века. И это не единственный пример: многих именитых русских писателей, вспомним Пушкина и Достоевского, отправляли подальше от столиц в ссылку. Роман Достоевского «Записки из Мертвого дома» рассказывает о периоде жизни писателя в качестве каторжанина в 1850-е годы в Сибири.

В ту пору ссылку или каторгу в сравнении с будущим ГУЛАГом можно считать относительно счастливым поворотом судьбы. Исправительные лагеря дореволюционного времени не шли ни в какое сравнение с репрессивными лагерями ГУЛАГа ни по численности содержащихся в них заключенных, ни в части применявшихся по отношению к приговоренным жестокостей, хотя существование лагерей объяснялось все теми же причинами: изоляция нежелательных граждан и освоение новых территорий. Кстати, рубивший «окно в Европу» Петр Первый возвел на бывших шведских землях город своего имени тоже силами крепостных и заключенных, хотя мнения на этот счет разнятся.

Как и позже в советских лагерях, на царской каторге подневольный труд использовался из-за дефицита рабочей силы, особенно там, где ее остро не хватало для освоения удаленных территорий. Однако в сравнении с ГУЛАГом каторга была лишь бледным подобием.